

К. СИМОНОВ

ОЧЕВИДНО, мои мысли многим покажутся спорными, но я вовсе и не претендую на их обязательность для кого бы то ни было.

Мне лично кажется, что старый «семейный роман», хотя и с некоторыми рецидивами, все-таки начинает умирать у нас тихой естественной смертью. Во всяком случае, попытки продлить его существование в каноническом виде мне все чаще кажутся неудачными. Наибольшие успехи (оговариваю — на мой взгляд — и прошу дальше повсюду держать в памяти эту оговорку) получаются там, где в самой жизни семья как маленький коллектив входит в большой коллектив, занятый тем или иным общим делом. Но там, где семьи — братья и сестры, отцы и дети, близкие и дальние родственники, — как это чаще всего, особенно в городе, бывает в самой жизни, заняты разными делами, да и вдобавок в разных местах, — искусственные попытки непременно соединить их всех в романе приводят ко многим несуразностям, к натяжкам, к преувеличению реальной силы родственных связей, существующих в нашем обществе. Порой доходит до смешного: герои беспрерывно ездят друг к другу то в отпуска, то в командировки, а то просто-напросто их там и сям, как говорилось в старинных романах, «сводит всемогущая рука провидения».

А между тем совершенно естественно, что когда общественный труд, строительство нового общества заняли такое громадное место в жизни большинства людей, какое они заняли у нас сейчас, то сила связей и отношений определенным участием в общем деле оказывается в большинстве случаев сильнее родственных связей, не только дальних, но и

Из статьи, которая публикуется в 5-м номере журнала «Вопросы литературы».

близких. Разумеется, я говорю об основной тенденции, в частности, связанной и с тем, что в нашем обществе очень ослабились по сравнению с обществом буржуазным такие формы семейных связей, как связи имущественные, наследственные и т. д.

И хотя это только основная тенденция, из которой есть много исключений, но все же нам, романистам, не грех бы лучше чувствовать эту тенденцию в развитии нашего общества и больше считаться с нею в своих романах, чем мы порой считаемся. А ведь у нас в литературе встречаются попытки решать в семейном кругу чуть ли не все вопросы нашего бытия. Причем семья выступает иногда как решающее звено передового социального самосознания, как судья всех дел и вершитель судеб своих членов.

Конечно, нельзя заведомо исключить возможность писательских удач и на этом пути, но как принципиальная тенденция такой подход к нашей современной жизни мне кажется не самым плодотворным. Коллективное самосознание вырабатывается и проверяется у нас гораздо больше в коллективе, объединенном по признаку общего дела, чем в семье, объединенной по признаку родства. Правда, бывает в жизни и так, что целая семья объединена своим участием в одном общественном деле — и здесь семейный «суд» приобретает новые, небывалые в старом обществе черты. Но все же судит добрые дела и проступки человека в нашей жизни куда чаще коллектив, чем семья, — куда чаще и, добавлю, в общем, куда справедливее. Оговорюсь, что, ведя речь о «семейном» романе, я имею в виду не отношения муж — жена во всем их духовном и житейском комплексе, а попытки некоторых из нас решать чуть ли не все проблемы на-

шего времени в недрах семейных коллективов, таких мощных по своему составу, что порой они начинают напоминать учреждения с сильно раздутыми штатами.

А в общем, я хочу сказать, что мне кажется не больно-то естественным механическое перенесение принципов эстетического построения «Саги о Форсайтах» на почву нашего современного общества.

Цемент родственных связей существует и у нас. В какой-то мере все еще существует и цемент имущественной зависимости. Но все-таки общество наше во всех его ячейках скреплено прежде всего другим цементом — цементом общего дела, и этого обстоятельства мы не должны недооценивать, изображая современность.

Я говорю о некоторых архаических, но все еще сильных тенденциях построения романа. Основной же поток нашей литературы все заметнее идет по другому пути. Действие романов сосредоточивается вокруг какого-то большего или меньшего общего дела, вокруг борьбы за победу этого дела, и для иллюстрации этого положения в нашей литературе нет недостатка в примерах, начиная с «Поднятой целины» Шолохова и кончая «Битвой в пути» Николаевой.

Второй вопрос, на котором я хотел остановиться, связан с первым. В нашей литературе в последнее время более бурно развивается роман «события», чем роман «судьбы». Это, по-моему, естественно в обществе, где общественное дело заняло такое громадное место в жизни человека, как у нас. Естественно желание многих писателей вместо того, чтобы длинным лучом света проследить всю судьбу человека от рождения до смерти, бросить этот свет широкой полосой на главное событие в жизни своих героев, причем это главное событие чаще всего в то же время и важное событие в жизни страны. Я опять-таки говорю, конечно, только о тенденции. Есть и будут у нас и прекрасные «романы-судьбы». Но «романы-события», как мне кажется, приобретают все большую почву в самой жизни. Процент упирается своим пятном в главное свершение в жизни человека, а его предыстория очень часто дается только пунктиром.

Надо сказать, что это создает и свои трудности в обрисовке характеров, порой писателя тут подкарауливает опасность однобокости в изображении людей, — короче говоря, это требует своего мастерства, и мастерства в чем-то нового, которое не извлечешь в готовом виде даже из полных собраний сочинений самым любовным образом прочитанных классиков.

Третий вопрос — с чего мы начинаем и чем кончаем свои романы? В началах я не вижу особой разницы с тем, как начи-

нали романы в XIX веке. «В жаркий июльский день 186... года у въезда в город Н. остановились дрожки с двумя запяленными седоками...» Точно так же, в сущности, мы часто начинаем и сейчас. Другое дело — с концами романов. На наших глазах умирает эпилог. Когда-то он был почти неотъемлемой принадлежностью всякого романа. Даже сокрушивший столько литературных канонов величайший из великих Лев Толстой закончил «Войну и мир» эпилогом. (Хотя, если вдуматься, этот эпилог, пожалуй, больше похож на первую главу нового, так и не написанного романа о крушении иллюзий 12-го года.)

Во всяком случае, традиция, делавшая необходимым завершение судеб героев на глазах у читателя, была одной из самых мощных литературных традиций. Завершение всех линий, развязывание всех завязанных в повествовании узлов почти во всяком сколько-нибудь объемистом повествовании так долго было нормативом в литературе, что читатель зачастую требует этого и сейчас и не на шутку сердится на нарушителей.

А между тем, когда я говорю о тенденции к преобладанию романа-события над романом-судьбой, преобладанию все более явному в нашей литературе, то с этим связан и вопрос о наличии или отсутствии эпилогов (называются ли они так впрямую или, что теперь гораздо чаще, даются в этом качестве без такого названия). С этим же связана и проблема законченности сюжетных линий и распутования затянутых в ходе повествования узлов. Еще очень часто мы в своих современных романах, построенных по принципу романа-события, стремимся все же не так, так эдак развязать все узлы и закончить все линии, хотя на само-то деле в бурной жизни, которую мы изображаем, узлы остаются неразвязанными, дела незаконченными, на старый узел навязывается новый, на старое дело намрождается новое и еще более интересное. В жизни не ставится точек, и это вполне закономерно для жизни. А в литературе мы все еще робеем и побаиваемся этого, хотя жизнь дает нам все права и основания поспорить и с устоявшимися нормативными требованиями читателей, и с собственными литературными нормами.

Все, что написано выше, имеет прямое отношение и к моим мыслям о собственной работе как романиста. Мне кажется, например, что в «Живых и мертвых» я напрасно отдал дань мнимой обязательности для романа наличия в нем семейных линий. И как раз это оказалось самым слабым в моей книге. А с другой стороны, как я говорил, я, в общем, доволен тем, что кончил книгу на полуслове, там, где мне продиктовала этот конец сама война, о которой я писал.

«Литература и жизнь»
1961, 5 апр.